

Эверина
Ниженко

ЕДИНСТВЕННЫЙ

Эвелина Пиженко

Единственный

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Пиженко Э.

Единственный / Э. Пиженко — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Супругам Элине и Игорю всего по тридцать, а за плечами уже тринадцать лет семейной жизни, взрослый сын и множество испытаний. Мягкая по натуре Элина многое прощала своему горячо любимому мужу – и безденежье, и тяжёлый характер, и его алкогольную зависимость. И вот, когда, казалось бы, жизнь начинает налаживаться, на плечи Элины сваливается новое испытание: любовь супруга к другой женщине. Героиня становится перед выбором: новая жизнь среди заботливых родственников, с искренне любящим её другим мужчиной, или – прощение и возврат в свой прежний мир...

© Пиженко Э.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Эвелина Пиженко

Единственный

*...Он не достал для неё ни одной звезды.
Он не построил ей мост, не возвёл дворец...*

Глава 1

– Мама, не смей этого делать, слышишь?! – молодая женщина лет тридцати тщетно пыталась схватить за руку свою мать.

Скорбно сдвинув брови на моложавом, всё ещё красивом лице, та металась по комнате в поисках то ли одежды, то ли сумочки – в нахлынувшем на неё отчаянии она никак не могла сообразить, что является предметом её поисков... По виду женщины можно было предположить, что ей просто необходимо сейчас куда-то бежать... бежать, несмотря на протесты дочери. Её можно было бы посчитать крайне взволнованной, но печать настоящего горя, отразившаяся на лице, никак не соответствовала даже очень крайнему волнению.

– Я должна!.. – резким жестом руки отметая все возможные предостережения, пятидесятидвухлетняя женщина выбежала в прихожую и схватила с вешалки воздушный бледно-розовый шарф. – Я должна, Эля, понимаешь?... Я просто обязана это видеть!..

– Мама... – выйдя следом, Элина мягко попыталась забрать шарфик из рук матери, – тебе не нужно туда идти... Слышишь?... Не-нуж-но!

– Нет, ты меня не понимаешь!.. – та резко обернулась к дочери. – Я хочу посмотреть ему в глаза!.. Нет!.. Пусть он посмотрит мне в глаза!.. Пусть он посмотрит, и скажет!..

– Ну, что он тебе скажет?... – молодая женщина устало смотрела на мать. – Ничего хорошего он тебе сейчас не скажет...

– Нет... пусть он скажет... – подбородок задрожал, и давно просившиеся слёзы градом покатались из уголка подкрашенных чёрным карандашом век по слегка нарумяненным щекам. – Пусть он скажет, за что он так со мной?...

– Мамочка... – сама едва сдерживая слёзы, дочь крепко обняла мать. – Ну, успокойся... Не рви сердце... Ну, мамочка...

– Тридцать пять лет... – уткнувшись дочери в плечо, женщина зашлась в рыданиях. – Перечеркнуть все наши тридцать пять лет... ради какой-то...

– Мамочка... – шмыгая носом, Элина гладила мать по голове. – Не надо...

– А я не представляю!.. – неожиданно отстранившись, та лихорадочно ловила взгляд дочери. – Эля, я не представляю, как он сейчас объяснит всё нашим друзьям?! Он же не мог не пригласить на свой юбилей наших старых друзей!.. И Аркадий с Инной... и Егор со Светланой... А Володя?! Вот придут они сейчас в ресторан... И – что?! Что он им скажет?! Как он будет представлять эту... эту потаскушку... Ну, как?! Да они сразу развернутся и уйдут!.. Эля, как ты думаешь? Уйдут ведь?...

– Не знаю, мам... – Элина медленно покачала головой. – Не знаю... Единственное, что я знаю, это то, что тебе не нужно сейчас туда идти.

Кое-как уговорив мать вернуться в комнату, Элина усадила ту на диван и заботливо укрыла мягким, пушистым пледом. Порыв угас, и женщину начал трясти мелкий нервный озноб. Выйдя на кухню, Элина открыла боковой навесной шкафчик, где хранились лекарства и, выбрав нужный пузырёк, накапала в чистый стакан двадцать капель валокоордина. Разбавив капли водой, вернулась к матери и заставила выпить.

– Знаешь, я вот сейчас подумала... – подняв на дочь покрасневшие от слёз глаза, мать заговорила уже более спокойным голосом. – Он ведь не ушёл бы!.. Папа бы не ушёл... Это всё она!..

– Какая теперь разница? – присев на корточки, Элина положила руки на колени матери – локти приятно утонули в мягком, шелковистом ворсе пледа. – Ты, главное, успокойся...

– Нет-нет!.. – кивая в подтверждение своих слов, женщина смотрела куда-то вперёд. – Это – она!.. Она ему сказала, что его юбилей и её день рождения они должны отмечать вместе, в этом проклятом ресторане... Я уверена, что так и было! Она настояла, а он... он всегда был слишком уступчивым... Иначе бы он не ушёл. Да!.. Это – она. И он ушёл только поэтому!.. Но он потом всё переосмыслит... да-да... Он переосмыслит, и поймёт...

– Мама... – Элина провела рукой по крашеным в тёмно-каштановый цвет волосам матери. – Не нужно придумывать сценариев... Я хочу, чтоб ты знала... Я – с тобой. И Антошка с тобой... И Игорь...

– Да уж... – женщина в ответ горько усмехнулась и прикрыла глаза. – Даже твой Игорь, и тот...

Понимая, в каком состоянии сейчас находится её мать, Элина не стала ничего говорить в ответ на явный намёк. Ирина Германовна не любила своего зятя, и не скрывала этого никогда, вызывая у дочери волны протеста, но сейчас молодая женщина только крепче сжала материнскую ладонь.

Неделю назад, накануне своего пятидесятилетия, отец Элины, Сергей Николаевич Вересень ушёл от жены. Его уход был не просто неожиданным – он буквально шокировал всех, кто знал и его, и его супругу. Их брак, длившийся вот уже тридцать пять лет, считался счастливым, и совершенно справедливо. Поженившись ещё будучи студентами медицинского института, супруги прожили жизнь в искренней любви и согласии. Их старший сын Виктор вместе с семьёй жил сейчас в Москве, а дочь Элина осталась в родном городе, рядом с родителями.

Сергей Николаевич давно ушёл из медицины как таковой, но, занимаясь собственным бизнесом, имел к ней далеко не косвенное отношение – его фирма занималась поставками медицинского оборудования. Ирина Германовна же осталась верна своей профессии, и всю жизнь проработала врачом-терапевтом, а затем и заведующей отделением районной больницы их родного Дубровска.

Супруги Вересень были довольно известной в городе парой – их часто приглашали на городские мероприятия, у них было много друзей и знакомых среди бизнесменов, а так же местной городской элиты, поэтому новость, разлетевшаяся по стопятидесяти тысячному городу со скоростью звука, не миновала ничьих ушей. Связь Сергея Николаевича с более молодой женщиной, которую он тщательно скрывал в последние полгода, стала предметом обсуждения во всех городских кругах.

Женщина, в которую влюбился Сергей Николаевич, была моложе его на целых девятнадцать лет. Близко они познакомились ровно год назад – на дне его рождения. Ольга – так звали новую хозяйку недавно выкупленного ею ресторана, в котором проходило мероприятие, принимала активное участие в подготовке торжества: Элина знала её и раньше, и сама предложила отцу именно этот ресторан, как один из лучших. Знакомство с Ольгой не было близким, оно было, скорее, деловым: будучи методистом городского Дворца молодёжи, Элина кроме основной работы занималась организацией праздничных мероприятий, и была на связи со всеми администраторами и владельцами ресторанов и ночных клубов. Узнав, какого уровня будут гости на предстоящем банкете, новоиспечённая хозяйка «Золотого руна» лично следила за тем, как идёт убранство зала, а затем осталась, чтобы поздравить подъехавшего к назначенному часу именинника. Несмотря на знакомство с дочерью, Ольга до этого всего несколько раз видела её отца, и знала его имя лишь потому, что оно было в их городе на слуху.

Известный в городе бизнесмен совершенно не выглядел на свои пятьдесят четыре года: выше среднего роста, худощавый, с густой шевелюрой почти не тронутых сединой волос, он так посмотрел на неё своим пронизательным карим взглядом, что в первое мгновение женщина

даже растерялась. Довольно привлекательной внешности, с изящной, почти девичьей фигуркой, Ольга не имела недостатка в мужском внимании, но нынешний именинник сразу же запал ей в душу.

В следующий раз они встретились совершенно случайно: Сергею Николаевичу срочно понадобилось приехать в налоговую инспекцию лично, и, взяв в терминале талон на приём, он в ожидании своей очереди присел на стул в холле.

«Добрый день!..» – радостно-удивлённо раздалось откуда-то сбоку.

«Добрый...» – повернувшись, он сразу же узнал в сероглазой соседке молодую хозяйку «Золотого руна». Он боялся признаться в этом сам себе, но с момента их встречи Ольга то и дело всплывала в его памяти... Такое было с ним впервые, ведь за все годы семейной жизни он ни разу не опорочил звание верного мужа и отца... Женившись когда-то на своей Иришке по взаимной и огромной любви, он пронёс эту любовь через все годы... После тридцати четырёх лет их брака Сергей Николаевич мог бы с гордостью сказать, что ни разу не посмотрел в сторону других, даже более очаровательных представительниц прекрасного пола... И – вдруг...

Из здания налоговой инспекции они ушли тогда вместе, и с тех пор Вересень потерял покой. Он гнал от себя все мысли об Ольге, пытаясь с головой уйти и работу, и в семейные дела... но у него ничего не получалось. Вторая по счёту в его жизни любовь никак не отпускала... Она оказалась сильнее всех моральных и семейных устоев, и через несколько дней после их неожиданной встречи Сергей по какому-то пустяковому, на ходу придуманному поводу, приехал в Ольгин ресторан...

Настоящими любовниками они стали не сразу... Несмотря на видимое количество бывших поклонников, Ольга оказалась совсем не «лёгкой» добычей, и Сергею Николаевичу пришлось какое-то время доказывать ей серьёзность своих чувств, одновременно сохраняя лицо порядочного семьянина за дверью своей квартиры... Сама обуреваемая взаимным влечением, молодая женщина, наконец, сдалась... Чем дольше была её «оборона», тем сильнее оказался взрыв их обоюдной страсти... взрыв, напроць разрушивший всё, что было до этой встречи, начисто стёрший из памяти все прошлые радости...

Вопреки всему, страсть оказалась, отнюдь, не кратковременной – под разлившейся лавой обнажилось настоящее чувство, в простонародье именуемое «поздняя любовь», и Сергей Николаевич понял, что прежняя жизнь закончилась для него навсегда...

Решение уйти от жены он принял незадолго до своего очередного, пятьдесят пятого дня рождения, которое по дате лишь на один день не совпадало с днём рождения Ольги...

Услышав его признание, Ирина Германовна в первый момент подумала, что супруг её разыгрывает... Она даже подумать не могла, что такое возможно!.. Всегда заботливый и внимательный, Сергей совершенно не давал ей повода усомниться в своей верности... Она совершенно не почувствовала тех перемен, которые, оказывается, происходили с ним в последнее время... Он, как и раньше, вовремя приходил домой, они проводили вместе выходные, ну, разве за исключением тех дней, когда он отдыхал со своими старыми друзьями, в чисто мужской компании...

Или... или это была уже не мужская компания?...

Ирина вдруг вспомнила, как пару месяцев назад им на городской телефон позвонил старинный приятель Сергея – Аркадий, и сказал, что не может до того дозвониться – мобильник друга был всё время вне зоны доступа...

«Аркаша, ну, ты что, забыл?! – со смехом ответила тогда ему Ирина Германовна. – Вы же ещё на прошлой неделе договорились поехать на озёра, на рыбалку... забыл ведь?!»

«Ну, да... – как-то растерянно произнёс Аркадий в трубку. – Забыл, наверное... Неужели склероз?...»

«Так езжай немедленно!.. – всё так же весело скомандовала Ирина. – Он тебя ждёт, наверное!.. А телефон там не ловит, всё правильно...»

...Ей бы тогда ещё, по тону Аркадия, догадаться, что тот ни сном ни духом не знает о рыбалке, на которую уехал Сергей... Но ведь она даже предположить не могла, что...

...«На рыбалку» в последнее время супруг уезжал довольно часто. Горько усмехнувшись, Ирина Германовна вспомнила, как внимательно слушала свою собственную мать, когда та предупреждала её много лет назад о «критическом» мужском возрасте.

«С тридцати пяти и лет до сорока – почти все начинают гулять! – учила дочь пожилая женщина. – Так что, как только ему тридцать пять стукнет, начинай следить! И за ним, и за собой!»

«Пронесло... и в тридцать пять, и в сорок... Кто бы мог подумать, что у него этот «критический возраст» наступит только после пятидесяти? Дети взрослые... внуки уже большие... Кто бы мог подумать?!»

* * *

...Услышав сейчас из уст матери имя своего мужа, Элина не стала, как обычно, спорить. Ирина Германовна не любила зятя, и на это у неё были свои, материнские причины. Сама же Элина буквально жила Игорем, растворившись в нём до последней капельки... Вся её жизнь была подчинена ему, но она совершенно не испытывала по этому поводу никаких неудобств – ей, действительно, было легко и приятно жить его интересами, разделять его вкусы, подчиняться его желаниям...

«Да шёл бы он у меня лесом!.. – часто говорила её школьная подруга Марина, когда Элина отказывалась от «девичьих» посиделок вместе с ней и их третьей закадычной подружкой Людмилой, спеша домой к любимому мужу. – Приучила ты его!.. Только что на цепи не сидишь!..»

«Пойду, – виновато улыбалась Элина, – у меня все кастрюли пустые, и Антоху от родителей забрать нужно».

«Сам не дойдёт твой Антоха? – Марина делала удивлённые глаза. – Двенадцать лет парню! Ты что, мать?! Совсем своих мужиков разбаловала! У меня бы они строем ходили!»

«Это ты любишь, чтобы – строем, – улыбалась Элина, – а я так не умею, да и не хочу. Я хочу, чтобы они меня домой не со страхом ждали – к чему я прицеплюсь, а с любовью...»

«С ложками они тебя ждут, да с открытыми ртами, – Маринка, как обычно, перебивала подругу, – чтобы пришла, да в рот чего-нибудь положила, да ещё и пожевала за них!»

«Ну, и что... А мне нравится».

Людмила обычно молчала во время таких разговоров, лишь загадочно улыбаясь уголком губ. Не в пример своим подругам, молодая женщина меняла мужчин довольно часто – не реже одного раза в год. Её страстные хвалебные монологи об очередном избраннике, которые она произносила при встрече со своими школьными подругами, как правило, звучали в первые два-три месяца, пока очередной «принц» строил свои с ней отношения по всем правилам «конфетно-букетного» периода. Но вскоре текст монологов менялся – он становился менее оптимистичным, и через какое-то время превращался в довольно грубую прокурорскую речь, в конце концов заканчивающуюся одним и тем же вердиктом: «Козёл. Такой же, как и все».

Своих подружек Элина любила искренне, заранее прощая им и довольно резкие выражения насчёт её семейной жизни, которые девчонки время от времени произносили ей в глаза, и обсуждения за спиной, которых она не слышала, но догадывалась, зная характеры Маринки и Людки. По сравнению с ней, Элиной, обе считали себя успешными в семейных делах: одна потому, что сумела взять под каблук своего супруга, а вторая – потому, что безжалостно умела прощаться с теми, кто не соответствовал её представлениям об идеальном мужчине.

Сама же Элина не могла похвастаться такими качествами... Мягкая от природы, она, на первый взгляд, могла показаться обречённо-покорной, совершенно «бесхребетной», как называл её иногда муж. Ей, и в самом деле, были чужды любые проявления агрессии, что могло бы служить надёжным залогом покоя в её семье. Чего нельзя было сказать о самом Игоре. Довольно вспыльчивый, во многом деспотичный, он был готов на ссору в любое время дня и ночи, и Элине стоило огромных трудов сохранять в семье этот самый покой, при чём, далеко не всегда. Правда, муж обладал исключительной отходчивостью – если его вина была очевидна, а оправдания ничтожны. Буквально через полчаса после совершенно несправедливых обвинений, сказанных в запале в адрес жены он, успокоившись, как ни в чём не бывало шёл к ней и, обхватив сзади руками, наклонялся и целовал её то в висок, то в шею, абсолютно искренне считая, что этого достаточно для примирения.

«Что тут мой толстячок делает?... – мурлыкал он Элине в ухо, глядя, как она раскатывает тесто. – Чебуречки?... Это я люблю-у-у-у...»

Зная его характер, она с облегчением вздыхала и незаметно смахивала со щеки последнюю слезинку. Теперь можно было жить спокойно – очередная, «дежурная» истерика прошла, и на ближайшую неделю в их семье ожидался мир и покой.

Такие приступы непонятной агрессии случались с Игорем время от времени, с регулярностью в семь – десять дней. В первые годы их семейной жизни Элина не могла понять, в чём её вина, и изо всех сил старалась угодить мужу. Однако, несмотря на её старания, он неизменно находил поводы для очередной ссоры – будь то не пришитая пуговица, о которой Элина даже не знала, или просто веник, который она «не так» поставила в туалете. Эти надуманные Игоре ссоры носили характер самых настоящих взрывов – всё происходило почти моментально, сопровождалось ругательствами и оскорблениями... Любой её ответ воспринимался им как угроза, и вызывал новую вспышку гнева, ещё более сильную, поэтому она старалась молча сносить все несправедливые слова, не показывая слёз – её слёзы были для него как красная тряпка для быка, и только усугубляли ситуацию. Его выходки страшно выматывали, и она не раз подумывала о разводе, но... мысль о том, что она расстанется с ним навсегда, была ещё страшнее, чем его истерики.

...Вне истерик Игорь был вполне нормальным молодым мужчиной. Элина не могла понять – как в нём могут ужиться два совершенно разных человека? Один – умный, порядочный, искренне любящий и её, и их двенадцатилетнего сына, много читающий, интересующийся историей и музыкой, никогда не проходящий мимо бездомного животного, чтобы не дать тому заранее припасённый кусок хлеба... Он – такой близкий и родной, вдруг в одночасье превращался в какое-то страшное чудовище, изрыгающее проклятья и оскорбления на её голову...

«Это – проклятье. Похоже, что материнское, – гадалка, к которой Элина обратилась несколько лет назад по рекомендации коллеги по работе, поставила неутешительный «диагноз». – Его мать проклинала?»

«Да... – вспомнив о давнем разговоре с мужем, кивнула Элина. – Он как-то говорил, что в детстве мать бросила ему сторяча: «Будь ты проклят». Но он говорил, что она не со зла... язык у неё был такой...»

«А неважно, со зла или нет... – усмехнулась женщина. – Материнское слово силу имеет необыкновенную. И от смерти может спасти... И погубить навеки».

«Помогите!.. – взмолилась тогда Элина. – Пожалуйста! Ведь он не только меня... Он и себя изводит!»

«Не-е-е-т... – увидев фото молодого, красивого парня, женщина категорично махнула рукой. – Я ему не помогу. И никто не поможет, только сама мать».

«Почему?!»

«Материнское проклятье. Его ни свечкой не снять, ни водой не смыть. Только сама мать может вымолить у Бога прощение за свои слова».

«Его матери уже нет в живых... – обречённо прошептала Элина. – Она умерла...»

«Тем хуже для него... – гадалка с сожалением качнула головой. – Он же и спиться может, и заболеть неизлечимо. Да что угодно произойдёт».

«А я?... Может, я смогу отмолить его?...»

«Сможешь, если в душе не останется обиды. Обида есть на мужа?»

«Есть, конечно... – кивнула Элина. – Но ведь я его люблю... Мне его жалко...»

«Жалость тут не поможет. Простить надо... А у тебя обида не остывает, он же как дрова в топку тебе её подкидывает... Тебе его не отмолить».

Слова гадалки оказались пророческими. Вскоре Игорь, действительно, запил, и в течение пары лет превратился в настоящего алкоголика. Это произошло так стремительно, что Элина не успела опомниться... К регулярным истерикам прибавились ещё и пьяные скандалы – в хмельном состоянии муж был особенно агрессивен, и единственное, что удерживало Элину от развода, была всё та же жалость... а ещё – страх перемен. Она настолько была привязана к своему дому, что не могла уйти даже к родителям.

Однажды, всё же решившись сбежать от пьяного мужа, она ночью заявила к ним домой, но так и не смогла уснуть – их огромная квартира теперь казалась ей чужой. И даже её собственная комната была теперь лишь временным пристанищем – представив, что она вернётся сюда навсегда, Элина впала в уныние.

Нет... её нестерпимо тянуло д о м о й... Домой – к с е б е... Даже несмотря на то, что там – пьяный и дурной супруг... А ещё – сын...

«Я папку одного не оставляю», – упрямо твердил тогда десятилетний Антошка на её уговоры уйти к бабушке с дедушкой. Несмотря ни на что, он очень любил отца, и всегда защищал его перед ними. Элина так и ушла к ним тогда – одна, со щемящим сердцем.

«Я же говорила!.. – причитала Ирина Германовна, глядя на зарёванное лицо дочери. – Я чувствовала!.. Почему ты скрывала, что он пьёт?!»

«Не вздумай возвращаться! – хмурый отец восседал на кухонной табуретке, наблюдая, как Элина дрожащими руками наливает себе чай. – Если вернёшься, больше сюда не показывайся! Тут у меня не гостиница. Или – насовсем, или назад, к этому подонку! А Антошку я завтра сам заберу...»

...Она ушла рано утром, когда отец с матерью ещё спали. Встретив её дома, Игорь угрюмо смотрел вниз, на свои тапки.

«Элька... прости меня... Последний раз... Больше в рот не возьму...»

«Игорь... – она смотрела на него с отчаянием. – Тебе только двадцать восемь... А ты уже алкоголик!»

«Я не алкоголик. Я смогу бросить пить...»

Эти слова она слышала от него ещё почти целый год... Каждое обещание бросить пить неизменно заканчивалось новым запоем. Он потерял работу технолога на мебельной фабрике,

где трудился вот уже восемь лет – всё по той же причине, и Элине приходилось одной тянуть их нелёгкий во всех отношениях семейный воз.

Она больше не жаловалась родителям, раз и навсегда осознав, что оставить мужа совершенно не в её силах, и на все расспросы отвечала неизменно: «Всё нормально».

Настоящей отдушиной для неё оставалась собственная работа – Элина была человеком творческим, и по-настоящему забывала о своих проблемах, оказываясь в водовороте праздников, мероприятий, а так же банкетов и застолий, после которых возвращаться домой было уже не так страшно... Да и истеричные припадки у Игоря со временем почти сошли на нет: полностью заменив их пьяным угаром, он с удовольствием принял в свою компанию собственную жену. Их семейные хмельные «посиделки» проходили теперь довольно мирно – на удивление, супруг больше не цеплялся к Элине, абсолютно довольный её новым статусом своего собутыльника...

...К счастью, опомнилась она довольно быстро... Проснувшись однажды с жуткого похмелья, Элина по привычке заглянула в комнату сына: свернувшись калачиком, Антошка спал на своей кровати, поверх покрывала, даже не раздевшись. Коробка из-под нового телефона, подаренного накануне дедом, валялась возле кровати, а сам телефон лежал рядом с ребёнком, вместе с наполовину съеденным яблоком...

Безудержная жалость к сыну, навалившаяся на неё, отозвалась потоком слёз и резкой болью под левой лопаткой... В глазах потемнело, и, рухнув на пол, Элина очнулась только спустя какое-то время.

...Открыв глаза, она с удивлением наблюдала, как один за другим над ней проносятся светильники... И только почувствовав, как её тело подрагивает и накреняется, поняла, что её куда-то везут на каталке.

Вернувшись, спустя месяц, из кардиологического отделения, она застала дома жуткую картину: видимо, не прекращая пить всё это время, Игорь вынес из квартиры все ценные вещи, включая телефон и компьютер. Несмотря на то, что забравшие к себе Антона родители рассказывали, чем занимается её супруг, Элина тогда испытала настоящее потрясение.

«Элечка, я тебя никуда не отпущу! – мать загородила своим телом дверь их с отцом квартиры, куда Элина приехала вечером, чтобы забрать сына. – С твоим диагнозом тебе нельзя возвращаться к этому уроду!.. Плевать на всё – на квартиру, на вещи... Жизнь дороже!»

Она и сама так подумала сначала... Она уже была готова остаться у родителей, которые, не стесняясь в выражениях, крыли зятя, припоминая ему все его пороки... Ирина Германовна даже позвала Маринку с Людкой на домашний «суд», чтобы те окончательно убедили свою подругу в необходимости развода... Элина согласно кивала головой, приговаривая: «Я знаю... знаю...»

Но, удивительное дело: чем больше ругали Игоря её подруги, тем сильнее ей хотелось – туда... к нему... Почему-то она вспоминала его таким, каким он был раньше, ещё до пристрастия к алкоголю... Истерики?... Да ерунда... Это всё не он – не настоящий... У них были не только ссоры по его инициативе... У них было и хорошие дни...

...Элина вспоминала, как впервые увидела его в девятом классе – «новенький» был на голову выше всех их мальчишек, а ещё он был таким красивым... В их школе ещё никогда не было таких парней... Все девчонки тут же влюбились в новенького девятиклассника, но он почему-то выбрал именно её – Эльку, совсем не красавицу... Нет, она, конечно, всегда была

миловидной, а ещё очень стройной... Но до настоящей красавицы явно не дотягивала. Во всяком случае, ей самой всегда казалось именно так. И – вдруг!.. Она долго не могла поверить своему счастью... Хотя, Игорь почти сразу стал проявлять свой совершенно не лёгкий характер. Многие девчонки тогда быстро отступились от него... и даже не стали делать ей «тёмную», хотя и грозились некоторые...

Нет, Игорь её всегда любил. Она знала это точно. Он любил её так, как умел... И узнав, что она беременна, не бросил... Едва отплясав на выпускном, они отправились в ЗАГС. Родители, которым будущий зять никогда не нравился, тогда не стали противиться, видимо, по старой привычке рассудив, что пусть «ребёнок родится в полной семье», а уж там – как Бог даст...

Им столько пришлось вынести... И даже эта её внезапная сердечная болезнь – сейчас она показалась Элине знаком судьбы. Да, она должна сама бросить всё возрастающее пристрастие к алкоголю... Бросить, чтобы вытащить из этой ямы и Игоря...

«Элька... спаси меня... – как будто прочитав её мысли он позвонил тем же вечером, от соседки. – Спаси...»

«И чем ты его спасать будешь?! – убедившись, что все возражения бесполезны, мать обречённо смотрела, как дочь одевается в прихожей. – Бутылку купишь?!»

«Нет, – покачала головой Элина, – он не об этом просил...»

«Да как же, – усмехнулась Ирина Германовна, – а о чём ещё?! Не смей ходить!»

«Я пошла, – закрывая за собой дверь, бросила Элина, – пусть Антошка пока побудет у вас».

...Она не ошиблась – Игорь просил о другой помощи. О настоящей...

«Элька, если ты меня сейчас бросишь, я под поезд лягу... Помоги...»

...Поездка в одну из московских клиник оказалась удачной – после процедур, на которые Игорь согласился с огромным желанием бросить пить, прошло уже около года, и молодой мужчина совершенно забыл об алкоголе. Диплом технолога мебельного производства Элина положила в дальний угол – увидев зятя в совершенно «новом цвете», выправившегося, с осмысленным и по-прежнему умным взглядом, Сергей Николаевич, хоть и нехотя, но поддался на уговоры дочери – спустя два месяца испытательного срока Игоря окончательно утвердили в должности менеджера фирмы Вересеня.

Казалось, что новая жизнь совершенно изменила молодого мужчину: бросив алкоголь, он с головой ушёл в новую работу, всё свободное время проводя с сыном и женой. Даже его истерические припадки почти прекратились, уступив место более безобидному ворчанию, на которое Элина почти не обращала внимания. После стольких лет настоящих страданий она не могла нарадоваться теперешней своей жизни... Видимо, ошиблась гадалка... И нет никакого проклятия. У них с Игорем всё хорошо... И вообще – всё просто замечательно!

Вот, если бы не отец...

Глава 2

Когда Сергей Николаевич приглашал на свой юбилей Элину, он не надеялся, что дочь придёт поздравить «заблудшего» отца, но он совершенно не ожидал, что никто из его прежних близких и настоящих друзей тоже не появится на торжестве. Явились все – и партнёры по бизнесу, и сотрудники его фирмы, но тех, кого он хотел бы искренне видеть рядом с собой в этот знаменательный день, не было. Глядя на пустые стулья за накрытыми столами, юбиляр старался не подавать виду, и отчаянно шутил с Ольгой и остальными гостями.

– Серёжа, ты только не расстраивайся, – от неё не укрылось его истинное состояние, и женщина решила немного подбодрить любимого мужчину, – если честно, то я предполагала, что всё будет именно так.

– Всё в порядке, – он снова изобразил на лице улыбку, – главное, что ты со мной.

– А ты – со мной...

Глядя в его по-молодому искрящиеся карие глаза, Ольга слегка сжала мужскую руку обеими ладонями. Улыбнувшись в ответ, ненадолго прислонилась лбом к его щеке, затем отстранилась и потянула к столу.

Она была даже рада, что никто из друзей и родных Сергея не явился сегодня в ресторан. Их близкие отношения с Вересенем длились уже около полугода, и, искренне влюблённая в него, Ольга давно ожидала, что он предложит ей руку и сердце. Покоривший её своими манерами и неотразимой даже в его возрасте внешностью, Сергей не создавал впечатления великовозрастного ловеласа. Двойная жизнь оказалась для него непосильным бременем, и после мучительных для него месяцев тайных встреч, он во всём признался Ирине, после чего сразу же предложил молодой любовнице стать его женой, и это предложение Ольга приняла без колебаний.

«И ты сразу согласилась? – её лучшая подруга удивлённо дышала в телефонную трубку. – Хотя, если забыть о возрасте, то партия вполне приличная...»

«Возраст здесь совершенно ни при чём, – улыбнулась тогда Ольга, – я, действительно, встретила настоящего мужчину».

«Ну... может, не надо было торопиться... – теперь в голосе подруги слышались едва уловимые нотки ревности. – Походил бы пока в любовниках...»

«Таких мужиков нельзя держать в любовниках... Таких – только в мужа».

Она предвидела, какой скандал разразится в семье Сергея, который всю жизнь пользовался репутацией отличного семьянина, она предполагала неприятие его близкого окружения. Умная и тонкая по натуре, Ольга не строила иллюзий по поводу будущих отношений с детьми своего избранника... Она сама несколько раз напомнила ему, чтобы он пригласил на свой юбилей и Элину, и Виктора, хотя в душе надеялась, что они не придут.

Надежды оправдались... Никто из близких не явился на торжество. Но теперь, глядя, как он изо всех сил бодрится, Ольга чувствовала, как сердце сжимается в твёрдый комок... Сама она нарочно не пригласила никого «из своих», за исключением всё той же лучшей подруги и её гражданского мужа, решив, что всех остальных близких и друзей позовёт на их с Сергеем свадьбу. А пока – рано...

Сам же Сергей Николаевич, несмотря на этот праздничный и торжественный день, чувствовал жуткие угрызения совести, и на следующее утро позвонил дочери.

– Эля, вы с Игорем могли бы и прийти.

– Я не могла бросить маму. Так что... прими мои запоздалые поздравления, – довольно сухо ответила Элина.

– Спасибо... спасибо и за это. Витька, тот даже не позвонил.

– Витя собирался приехать... Но, когда всё узнал, отменил поездку.

– Я всё понимаю... – нахмурившись, Сергей Николаевич незаметно вздохнул. – Но... я надеюсь, что мы будем видеться и с тобой, и с Антоном.

– Я... я не знаю... – несмотря на сухой тон, Элина чувствовала, что не сможет отказать отцу в общении. Несмотря ни на что, вычеркнуть его из своей жизни было выше её сил, ведь это был её любимый папа...

«Самый лучший папа на свете», – так думала она не только в детстве. Все самые радостные воспоминания в её жизни так или иначе были связаны с отцом: и детские игры, и покупки новых игрушек, и поездки к морю... и даже её собственная свадьба, на которой отец, несмотря на то, что был очень недоволен будущим зятем, сделал им с Игорем неожиданный подарок – ключи от двухкомнатной квартиры... Да, он не любил Игоря, и всегда подчёркивал своё к нему отношение... Но именно он спустя несколько лет помог обменять эту квартиру на более просторную... Элина никогда не жаловалась своим родителям на жизнь, и почти никогда у них ничего не просила, но она всегда знала, что в любое время может рассчитывать на их помощь. Вот и с деньгами на лечение Игоря помог отец... и с новой работой для него...

Да, обида на него за мать велика... Но она, Элина, всё равно не может забыть всего, что он сделал для неё и её семьи.

– Эля, что бы не произошло у нас с матерью, я хочу, чтобы ты знала... И ты, и Витя, навсегда останетесь для меня детьми.

– Мы уже не дети, – усмехнулась Элина, – можешь за нас не беспокоиться.

– Я хочу тебе сказать... здесь, в этом городе, у меня теперь нет роднее никого, чем ты и Антон.

– Мне хотелось бы тебе верить...

– Это правда, – Сергей Николаевич заговорил более твёрдо. – И ты, и Антошка – самые родные мне люди... Я прошу тебя только об одном: не пропадай... Да, я плохо поступил с мамой...

– Ты поступил не просто плохо...

– Я знаю, что ты хочешь сказать. Но я сейчас не об этом. Я прошу... Эля... не лишай меня общения ни с собой, ни с Антошкой... Я должен знать, что у вас происходит...

– О том, что у нас происходит, ты можешь спросить у Игоря. Надеюсь, ты его не уволишь? – говоря эти слова, Элина почувствовала, как глаза наполняются слезами. Снова стало ужасно обидно...

– Я не хочу ничего спрашивать у Игоря. Я хочу всё слышать от тебя и от внука. А, насчёт уволить... Ну, зачем ты так?

Элина предполагала, что рано или поздно отец ей позвонит, и всё равно растерялась, услышав в трубке его голос. Окончив разговор, она ещё какое-то время приходила в себя.

– С кем ты тут с утра?... – выйдя на кухню, Игорь, ещё сонный, потянулся за сигаретой.

– Отец звонил, – наливая ему кофе, угрюмо ответила Элина.

– Понятно... – кивнул супруг. – Может, всё же нужно было его поздравить вчера?

– Поехать в ресторан? – обернувшись к нему, усмехнулась Элина. – Ты что?...

– Ну, не знаю... – Игорь пожал плечами. – Всё равно, нехорошо как-то.

– А он?... – скрестив руки на груди, Элина в упор посмотрела на мужа. – Он сам – как поступил?! Мама в себя не может прийти. Если честно, я не знаю, что мне делать... Я боюсь оставлять её одну. Она всё время плачет...

– Позови её к нам, – затушив сигарету в пепельнице, Игорь устроился за столом, – пусть поживёт, пока успокоится...

– Я звала, она не идёт. Просит к себе Антона.

– Нет. Антона я к ней не пушу, – нахмурившись, муж покачал головой, – после этих посещений он вообще становится неуправляемым. Пусть тёща приезжает к нам, если захочет, но этот оболтус останется дома.

– Зря ты так... – как можно мягче возразила Элина. – Ну, какой он оболтус? Хороший ребёнок, учится хорошо, послушный...

– Да вы из него тряпку какую-то растите! Если бы не я...

– Ну, ладно, ладно... – чувствуя, что ещё чуть-чуть, и супруг «заведётся», Элина согласно закивала головой. – Позову маму к нам ещё раз.

Несмотря на разногласия в вопросах воспитания сына, возникающие время от времени, Элина искренне считала, что в их с Игорем отношениях наступил, наконец, счастливый период. Муж никогда не был щедрым на ласковые слова, но она была рада уже тому, что он всё реже повышает на неё голос, и сама, как могла, гасила все вспышки его гнева.

– Что будем делать сегодня? – она подошла сзади к мужу и, наклонившись, обхватила его руками, прижалась щекой к щеке. – Куда-нибудь пойдём?

– У тебя что, никаких мероприятий? – недоверчиво усмехнулся тот. – Быть не может. У тебя каждое воскресенье что-нибудь где-нибудь происходит...

– Может, – рассмеялась Элина, – так вышло. А в июле меня вообще выгоняют в отпуск, на две недели, в принудительном порядке.

– Это за какие заслуги?

– В июле обычно мало мероприятий, вот и выгоняют. Так что, могу поехать куда-нибудь на острова...

– Слушай, Элька... – как будто вспомнив о чём-то, Игорь повернул к ней голову. – Вчера такую инфу увидел... В июле «Пёплы» приезжают, дадут всего два концерта, в Питере и в Москве.

– Предлагаешь попытаться попасть на их концерт?... – зная пристрастие мужа к року, Элина сразу уловила суть.

– Почему бы и нет? Посмотри в интернете, как там с билетами, можно ли ещё купить?

– Ладно... – она согласно кивнула. – А ты? У тебя-то нет отпуска.

– Спрошу тестя, может, даст тоже недельку... Хотя, могла бы и сама за любимого мужа попросить.

– А кто тебе сказал, что ты – любимый? – Элина игриво закусила нижнюю губу.

– А разве – нет? – потянув за руку, он усадил её к себе на колени – мужская ладонь недвусмысленно скользнула по женской ножке вверх и скрылась под короткой полкой шёлкового пеньюара.

– Нет, конечно... – хитро улыбаясь, она обхватила его руками за шею и приблизила лицо к его лицу – глаза в глаза. – Ты ещё на что-то надеялся?...

...Элина очень любила вот такие их воскресные утра. Её работа не позволяла расслабляться, и даже выходные часто бывали загружены праздничными мероприятиями, и тем ценнее и приятнее были вот такие свободные дни. Они всегда проводили вместе свободное время: у Игоря был всего один близкий друг, который обычно сам приходил к ним домой – Элина

была радушной хозяйкой, и с удовольствием принимала участие в их разговорах. Кирилл профессионально занимался музыкой и играл на гитаре в одном из городских коллективов. Сам Игорь увлекался гитарой ещё в школе, но потом его увлечение сошло на нет, и вот теперь Элина не могла нарадоваться, что, благодаря Кириллу, муж снова вспомнил об инструменте. Кроме того, Игорь неплохо разбирался в автомобилях, смотрел все передачи о них, и Элина была его постоянным собеседником в разговорах на автомобильные темы. Она с радостью поддерживала все его интересы, которыми он жил. Ещё с детства Игорь много читал исторической литературы, и, подперев ладонью подбородок, Элина слушала его рассказы... слушала и смотрела на него... смотрела, не уставая любоваться... И этот чуть удлинённый овал лица... и эти, цвета тёмной морской волны, глаза... и эти красиво очерченные губы, и этот чуть приподнятый вверх нос абсолютно правильной формы... Все эти черты были настолько любимы, что Элина и представить себе не могла, что возможна другая жизнь – без этого родного лица, без этих мягких, чуть волнистых на самых кончиках, русых волос, без этого бархатистого голоса... Игорь был частью её самой... неотъемлемой частью, сродни сердцу, вырви которое, и жизнь закончится...

Сама же она лишь изредка встречалась со своими школьными подругами, всё реже делясь с ними семейными проблемами – ей почему-то казалось, что и то, и другое воспринимается и Маринкой, и Людкой слишком эмоционально, и служит поводом для обсуждения ещё долго после её, Элины, ухода. Что касается повседневных забот, то она всегда искренне считала, что хвастать ей особо нечем: на фоне «генеральских» речей Марины и «восторженных» монологов Людмилы её собственные будничные рассказы, об обсуждениях вместе с мужем музыкальных новинок или технических характеристик автомобилей, теряют всякий смысл.

– Вы чего, ещё дрыхнете?... – заспанное лицо Антона заглянуло в дверь их спальни. – Ну, вы даёте...

– А, если бы не успели?... – лёжа в объятиях мужа, укоризненно-весело прошептала Элина, как только дверь за сыном закрылась. – Я же говорила, что он сейчас проснётся...

– Успели же... – поцеловав её, Игорь ещё крепче прижал к себе разгорячённое женское тело под одеялом и закрыл глаза. – А, вообще, можно и поспать...

* * *

Ирина Германовна с трудом согласилась пожить у дочери какое-то время. Ей тяжело было оставаться в своей огромной квартире, где всё напоминало об их совсем недавнем семейном счастье с Сергеем, и, в то же самое время, ещё тяжелее было эту самую квартиру покинуть. Она в душе очень обиделась на зятя, который не разрешил Антону переехать к бабушке, и, скрепя сердце, отправилась к ним сама.

– Игорь ничего не говорит об отце? – улучив момент, когда зятя не было дома, Ирина Германовна после некоторых колебаний завела разговор с дочерью.

– Ну, так... – уклончиво ответила Элина, краем глаза наблюдая за выражением лица матери. – Говорит, но чисто по работе.

– По работе... – Ирина повторила это дрогнувшим голосом. – Ну, да... работа...

– Мама... – Элина присела рядом с матерью и обняла ту за плечи. – Игорь же не виноват, что так случилось. А работа есть работа, личные отношения тут ни при чём.

– Был бы сын... – скорбно сдвинув брови, женщина смотрела вперёд каким-то отрешённым взглядом. – Сын бы не остался в его фирме... Вот Витя – тот бы сразу ушёл... А зять... он и есть – зять... нечего взять...

– Мама, ну, куда ему идти? Где он ещё найдёт такую должность? Игорь там на очень хорошем счету, зарплата высокая...

– Вот-вот... – мать торопливо кивнула. – Зарплата, положение... Деньги – выше личных отношений, выше благородства и справедливости...

– К чему этот пафос, мама?! Эти деньги он приносит нам с Антошкой. Мы только жить начали, ты сама видишь!

– Пафос... – Ирина Германовна горько усмехнулась. – Вот, что значит – отрезанный ломоть... Мужа защищаешь, а у матери – пафос! Ты хоть сама слышишь, что говоришь? «Жить начали». Вам по тридцать одному скоро исполнится, а вы только жить начали?! А кто в этом виноват, не Игорёк твой?!

– Ну, вот, приехали... – Элина резко поднялась с дивана. – Мам, ну, зачем ты всё собираешь?! Я понимаю, что тебе сейчас тяжело, но зачем всё вспоминать?!

– Затем, чтобы ты не повторила моих ошибок!.. – вскочив вслед за дочерью, Ирина быстро прошла к окну. – Жизнь пролетит, и не заметишь! Останешься, как я...

– Разве у тебя были ошибки? – Элина удивлённо посмотрела на мать. – Вы с папой – идеальная пара... Были...

– Я тоже так думала... А, видишь, как вышло. Он слишком податливый, вот и не смог удержаться от соблазна. Конечно... – женщина язвительно усмехнулась. – Молодая, ничем не обременённая. Не то, что я...

– Ты тоже молодая, – смягчив голос, Элина снова подошла и обняла мать, – и тоже не обременённая.

– Нет, Элечка... – уже совсем тихо ответила Ирина Германовна. – Уже не молодая. И обременённая... Знаешь, сколько мне вменили обязанностей? Хоть до ночи из больницы не уходи. Хотя... с другой стороны, и – хорошо. Забываюсь...

– Мам... – Элина немного помолчала, как будто собираясь с духом. – А, если папа вернётся... Ты его простишь?

– Он не вернётся...

– Ну, откуда ты знаешь? – Элина попыталась заглянуть матери в глаза. – Другие ведь возвращаются!

– Я не хотела говорить... – Ирина отстранилась от дочери и, пройдя назад к дивану, устало опустилась на мягкое сиденье. – Он подал на развод. Позавчера пришла повестка...

– Он что... – услышав новость, Элина вновь почувствовала, как в груди закипает волна возмущения. – Он что, совсем сдурел?! Ну, я сейчас... Сейчас я ему позвоню!

– Не надо!.. – глядя, как дочь мечется по комнате в поисках телефона, Ирина Германовна, попыталась её остановить. – Элечка!.. Не надо...

– Как – не надо?! – та возмущённо остановилась напротив. – Я всё ему скажу!.. Совсем с ума сошёл!.. Ну, ладно, ушёл, всё бывает... Но на развод-то зачем подавать?!

– Вот и я... – мать вытерла ладонью слезу со щеки. – Я так же... Вроде уже осознала, что Серёжа ушёл... даже начала смиряться. А когда повестку увидела – снова всё оборвалось... Стало так больно... В тысячу раз больнее, чем тогда, когда он мне всё рассказал.

Глядя, как мучается мать, Элина мучилась сама... Она искала и не находила слов утешения, всё больше и больше склоняясь к мысли, что их, этих самых слов, просто нет. Мысли об отце сейчас заставляли её метаться из крайности в крайность... Ей было тяжело даже представить, что она вычеркнет навсегда его из своей жизни, она готова была простить его и принять всё так, как есть, лишь бы не потерять его навсегда... И, в то же самое время, боль, обида,

неприятие его поступка вызывали у неё чуть ли не физическую боль, спустя какое-то время трансформирующуюся в полное опустошение и желание забыть о человеке, которого она называла своим отцом.

Кое-как взяв себя в руки, Элина посмотрела на часы – скоро должны были прийти муж и сын. Ей совсем не хотелось продолжать в их присутствии тяжёлый разговор.

– Что же он наделал... – не обратив на это внимания, Ирина Германовна уронила лицо в ладони. – Что же он наделал...

– Успокойся, мама... – чувствуя, что истерика затягивается не ко времени, перед самым приходом Игоря, Элина попыталась уговорить мать. – Нужно жить дальше.

– Я не знаю, как жить... Он всё пустил под откос, всё разрушил... Он убил меня, понимаешь?... Убил...

– Мам... ну, хватит... Жизнь на этом не закончилась. – Резко развернувшись, Элина вышла на кухню.

– На следующей неделе юбилей у Корецких... – Ирина Германовна проследовала за дочерью. – Мы приглашены оба... Вчера звонил сам Василий, он просит прийти меня, несмотря ни на что... Но я уверена, что Серёжа тоже придёт.

– Может, тебе не ходить? – Элина с тревогой посмотрела на мать, скорбно присевшую у стола.

– Не ходить?... – женщина вдруг гордо распрямилась. – Показать ему свою слабость?... Показать ей свою слабость?! Чтобы потом меня все жалели?!

– Не знаю... – Элина с сомнением покачала головой. – Тебе будет тяжело...

– Тяжело... – кивнула в ответ Ирина. – Но не пойти ещё тяжелее. Он будет думать, что я испугалась этой встречи.

– Пусть думает. Ты уверена, что выдержишь?... Он же придёт не один.

– Я должна... Я обязана выдержать... но... – слёзы вновь покатились по щекам. – Я не знаю... я не знаю, к а к...

* * *

Услышав, как в двери поворачивается ключ, Элина радостно выпорхнула в прихожую. В этот раз она с особым удовольствием приняла появление у них в гостях Кирилла – тот пришёл вместе с Игорем. Элине всё труднее было слушать жалобы матери, на которые она не находила должных утешений – повторять одно и то же было сложно и утомительно, тем более, Ирине Германовне легче не становилось. В будние дни было ещё терпимо – мать возвращалась с работы позже всех, и немного стеснялась зятя, но вот в выходные, не зная, куда себя деть, женщина впадала в привычное уже уныние. Она несколько раз пыталась вернуться к себе домой, но снова возвращалась к Элине – в пустой квартире одиночество наваливалось на неё с новой силой.

Зная характер мужа, Элина уже с некоторой опаской посматривала на него, ожидая очередных ссор – сказать открыто, что присутствие тёщи ему начинает надоедать, Игорь бы не смог, но накапливающийся негатив мог в любую секунду вылиться в очередные придирки к жене или сыну. Поэтому визиты Кирилла, благодаря которым супруг отвлекался от тёщиных проблем, Элина воспринимала с благодарностью.

– Послушай, Эля... – глядя, как дочь в очередной раз наливает в чашки кофе, чтобы отнести его мужчинам, Ирина Германовна строго поджала губы. – Почему ты позволяешь так собой понукать?!

– В смысле?... – Элина непонимающе уставилась на мать.
– Да ты как служанка весь вечер с этими чашками носишься!..
– Ну, и что, мальчишки весь вечер кофе пьют. Я всегда так ношу.
– Они что, не могут прийти на кухню и спокойно выпить кофе?! – с видом строгой учительницы, допрашивала Ирина Германовна. – Обязательно нужно гонять тебя?!
– Мама, меня никто не гоняет, – аккуратно обойдя мать, Элина обернулась в дверях, – я сама, понимаешь?! Са-ма!

– Я всё равно не понимаю, – дождавшись, когда дочь снова вернётся на кухню за своей чашкой, женщина решила продолжить начатый разговор, – почему нельзя прийти сюда и выпить кофе?!

– Потому, что они пьют его весь вечер, – как маленькому ребёнку, объясняла Элина, – через каждые полчаса. Они заняты, понимаешь? И им некогда ходить туда-сюда!

– Скажите, пожалуйста! – мать нервно хлопнула себя по бёдрам. – Бренчать на гитарах – это, по-твоему, заняты?! Мужикам по тридцать лет, а они такой ерундой занимаются!

– Мам, какая тебе разница, чем они занимаются?

– Знаешь, я удивляюсь тебе... – перегородив собой дверной проём, Ирина подбоченилась. – Ведь ты выросла в интеллигентной семье! Ты должна была перенять все наши привычки. Ты хоть раз видела, чтобы твой отец вот так приводил домой друзей, и чтобы я им вот так прислуживала?!

– Я не прислуживаю, – понимая, что сейчас ей мать не обойти, Элина обречённо остановилась напротив, – мама, я не прислуживаю. Я тоже – с ними, и у нас сейчас важное дело.

– Какое у тебя может быть общее дело с ними?! Ну, ладно, Игорь... – мать отчаянно махнула рукой. – Но этот Кирилл... Эля, на твоём месте я бы отвадила его от дома!

– Почему?! Они давно дружат с Игорем, ещё со школы.

– Я помню! – в голосе Ирины послышался неприкрытый сарказм. – Два алкаша!

– Кирилл не пьёт уже три года. Они поддерживают друг друга, понимаешь?! У них общие интересы!

– Да какие интересы?! Кто такой Кирилл?!

– Мама, он – музыкант. И очень интересный человек... Ты зайди, послушай их разговоры! Твой внук сидит с раскрытым ртом. Ему, ребёнку, интересно! Они не шлятуются нигде, не пьют, не колются, они – нормальные люди!

– Э-ля!.. – по слогам произнесла Ирина имя дочери. – Мне ли тебе объяснять, что музыканты – низшая каста! Обслуживающий персонал!..

– Знаешь, если так рассуждать, то я тоже – обслуживающий персонал, – Элина не на шутку рассердилась на мать. – Я же, как раз, работаю с такими вот музыкантами и прочими творческими людьми!

– А я тебе говорила! – чтобы её не услышал зять, Ирина перешла на громкий шёпот. – Я тебе говорила, что твой культпросвет – это чепуха на постном масле!

– Ну, тогда и ты – обслуживающий персонал! Ты же обслуживаешь больных.

– Врач – благородная профессия! У меня – сотни благодарных пациентов!

– Не спорю. Но нет неблагородных профессий. Пропусти меня, пожалуйста, – нахмурившись, Элина попыталась пройти, но мать так и не сдвинулась с места. – Мама, давай, потом договорим. Меня ребята ждут.

– Так и пробегаешь всю жизнь с чашками и тарелками!

– Ну, и пусть!.. Это – моя жизнь!.. Не лезь в неё, пожалуйста!

– Ах, вот как... – Ирина Германовна исподлобья посмотрела на дочь. – Значит, я лезу в твою жизнь? Ну, что ж... Спасибо за поддержку!

Наблюдая, как мать собирает свои вещи, Элина боролась с желанием отобрать у неё сумку, увести в кухню и, напоив чаем, уложить спать.

– Мам... – наконец, не выдержав, она уже в прихожей схватила ту за руку. – Ну, прости меня... Не уходи, пожалуйста!.. Мамочка...

– Я пойду, – вырвав руку, Ирина Германовна повернулась к большому зеркалу и начала поправлять причёску. – Я и так у вас зажилась.

– Мам... ну, перестань... мы просто все перенервничали. Прости меня...

– Я не обижаюсь... – женщина демонстративно оглядела своё отражение, затем, повернувшись к Элине, пристально посмотрела той в глаза. – Мне, действительно, пора. Ты пойдёшь! Вот, когда твой Игорь поступит с тобой точно так же...

– Мама! Ты что, мне желаешь, чтобы...

– Нет, – мать перебила Элину на полуслове, – я не желаю! Просто хочу, чтобы ты помнила: твой отец меня уважал! Я никогда ему не прислуживала, но даже это не уберегло меня от его подлого поступка. А твой Игорь... Ты для него – всего лишь домашняя утварь, служанка. Какое уважение может быть к служанке?! Когда он поступит с тобой точно так же, а он обязательно поступит!.. Ты вспомнишь мои слова. Но будет поздно!

* * *

– Элька... – заглянув в кухню, Игорь удивлённо уставился на шмыгающую носом жену. – Ты куда пропала?!

– Сейчас... – вытерев слёзы, та встала из-за стола. – Иду.

– Чего ревёшь?... Что-то случилось?

– Мы поссорились с мамой. Она ушла...

– Как – ушла? Куда?

– К себе домой. Совсем.

– Так сильно поссорились?

– Я её обидела...

Глава 3

Несмотря на свои пятьдесят два года, Ирина Германовна выглядела очень молодо – на вид ей можно было дать не больше сорока – сорока двух лет. Выше среднего роста, худощавая, с идеально уложенной причёской, с едва заметным, но выгодно подчёркивающим глаза и губы макияжем, она и ходила моложаво – легко, стремительно, высоко подняв голову. Красота всё ещё оставалась естественной, и Ирина очень гордилась, что её лица до сих пор не касался скальпель пластического хирурга. Она всегда с удовольствием смотрелась в зеркало, в душе сочувствуя своим сверстницам, которые уже и не обращали внимания на новые морщины.

...Сегодня же, придя на работу, она закрыла за собой дверь и неожиданно остановилась у большого настенного зеркала в углу кабинета. Утреннее летнее солнце весело освещало помещение, и в свете его лучей женщина как будто впервые вглядывалась в своё отражение. Она смотрела и с ужасом осознавала, что всё... всё, чем она гордилась, буквально исчезает под этими проклятыми лучами... исчезает, предательски обнажая и эту мелкую сеточку вокруг глаз, и неровную кожу совсем не юношеского цвета... и отсутствие блеска в явно потускневшем голубом взгляде... и ярко выделяющиеся складки на шее – верный признак далеко не среднего возраста...

– Ну, здравствуй, моя дорогая! – вихрем ворвавшись в кабинет, темноволосая, с ярко накрашенными узкими губами на продолговатом лице женщина лет сорока пяти, в белом, приоткрытом халате, с ходу заключила Ирину Германовну в объятия. – Здравствуй, Ирочка!..

– Ой, Машенька! – та с готовностью обняла в ответ гостью. – С приездом!..

– Я всё знаю! – как будто упреждая вопрос, гостья отстранилась и посмотрела Ирине в глаза. – И, хочу, чтобы и ты знала: я на твоей стороне!

– Спасибо, Маша... – Ирина Германовна тяжело вздохнула. – Если честно, мне так тебя не хватало... Даже поделиться было не с кем...

– Могу представить, – усаживаясь в мягкое кресло, Мария с пониманием кивнула головой, – если честно, когда мне Варвара Петровна позвонила и рассказала, первым желанием было бросить этот чёртов отпуск, и лететь сюда, к тебе на помощь!

– Ну, что ты... – Ирина махнула рукой. – Это было совершенно ни к чему. А Варвара... Вот ведь какие сплетницы! Представляешь?! Делали вид, будто ничего не знают!.. А сами, за спиной...

– Ирочка, ну, ты же знаешь наш серпентарий! – Мария деланно-участливо нахмурила брови. – Я так за тебя там переживала, ты представить не можешь!.. Только и думала о тебе. Мне даже Бражников сказал – ты, говорит, телом здесь, а душой где-то в другом месте!

– Спасибо тебе, Машенька... – Ирина скорбно качнула головой. – Ты – единственная, с кем я могу быть откровенной.

– Ну, а он-то что, Сергей... Что он говорит?... – Мария смотрела с нескрываемым интересом.

– Ничего... – усмехнулась Ирина Германовна. – Я с ним больше не виделась. Даже не знаю, как он свой юбилей справил. Корецкие вот меня пригласили... И его тоже. Как думаешь, идти или нет?...

– Однозначно: идти! Он должен увидеть, что у тебя всё хорошо!

– Да, но... Я не представляю, как увижу его с этой... – Ирина закрыла руками лицо. – Не представляю...

– Тебе нужно быть с кем-то вдвоём. Подумай, кто там ещё будет?

– Я думала... – теперь хозяйка кабинета подперла подбородок рукой. – Но никого подходящего...

– Слушай... А Элина?... Возьми с собой дочь, думаю, Корецкий будет только рад, они все к ней нервно дышат.

– Она не пойдёт!.. – нервно махнув рукой, Ирина Германовна нахмурилась. – Это такой тяжёлый случай!

– Неужели Элина не захочет поддержать тебя, что ты, Ирочка?! – Мария вытаращилась на подругу. – Хочешь, я сама с ней поговорю?

– Это бесполезно. Там всем командует Игорь, а она у него, как служанка...

– Ну, характер у него, мягко говоря, не очень... Наслышана... но тут-то дело особое!

– Что ты, Маша... Спасибо, что позволил мне у них пожить всё это время... – Ирина Германовна многозначительно усмехнулась уголком губ.

– Это хорошо. Тебе сейчас одной оставаться нельзя!

– Уже осталась. Вчера ушла от них... Не могу больше смотреть, как живёт моя дочь. Знаешь, Маша, я сейчас как будто по-другому посмотрела на всю эту ситуацию... Наверное, я плохая мать.

– Что ты, что ты!.. – Мария возмущённо замахала руками. – Что ты такое говоришь?! Это ты-то плохая мать?! Да и ей – сколько уже лет?!

– Не нужно было позволять ей выходить замуж за этого морального уродца. Пусть бы родила Антошу, сами бы воспитали. А мы пошли у неё на поводу...

– Может, и не нужно. Да разве мы им указ?

– В том и дело. Мы им не указ, а теперь душа разрывается... Он же натуральный психопат, как был, так и остался! Но она как привороженная... Как только мы с Серёжей не уговаривали: и кнутом, и пряником... Так и не оторвали от него!

– Это называется – любовь, – с осуждением в голосе произнесла Мария.

– Да разве это любовь?! Маша, какая может быть любовь, если ночью, зимой, в одних тапках убегать из дому?! Если слёзы лить годами, какая это любовь?!

– Ты говорила, он больше не пьёт?

– Пока не пьёт... – недовольно поджав губы, Ирина Германовна уставилась в окно. – А я уже и не рада...

– Почему, Ирочка?... – Мария с удивлением смотрела на подругу. – Если не пьёт, это уже другое дело.

– Да какое там дело... Кроме рожи смазливой ничего и нет. Я уже грешным делом думала, вот пил бы, она бы точно его уже бросила! А так – сидит с ним как на цепи, ни к нам толком не ходит, не ездят никуда... Всё с ним да с ним. Работа и дом, дом и работа.

– Та это хорошо, муж и жена – одна сатана.

– Понимаешь, он – дурак! – говоря о дочери и зяте, Ирина Германовна, казалось, совершенно забыла о собственных горестях. – Дома всякой ерундой занимается, только не делами! То на гитаре бренчит, то музыку на всю громкость включит. Телевизор посмотреть невозможно, включают лишь то, что Игорёк любит... То друга притащит, а Эля перед ними, как служанка – то кофе подай, то ещё что-нибудь... Нет, у нас с Серёжей тоже есть... были... друзья, и они приходили к нам... Но я никогда и никому не прислуживала!.. Мы собирались на кухне, Серёжа сам всех угощал... Нет, я понимаю, если бы просто сварить кофе и налить в чашки. Но она таскает их к ним в комнату, весь вечер... Она бежит на каждый звонок, на каждый вызов!.. Он никогда не поднимет задницу с дивана, чтобы открыть дверь!.. Она готовит только то, что любит он... А он... он даже в тарелку себе супу налить не может, да что там... он даже холодильник не откроет, будет ждать, пока она не придёт, и не накормит! А как он с ней разговаривает?! Ну, что это за обращение – «толстяк»?! Это обращение к жене?!

– Толстяк?! – Мария удивлённо округлила небольшие карие глазки на узком лице.

– Ага... – Ирина усмехнулась. – Это при её-то шестидесяти килограммах... Маша, ты не представляешь, чего я насмотрелась и наслушалась за эти дни, что жила у них! От него только и слышно: сходи, посмотри, принеси, отнеси, подай, позвони... А эта дурочка и несёт, и подаёт, и звонит, и открывает... Ой, не могу!.. Лучше бы я оставалась дома... Честное слово!

– Ирочка... – Мария снова сочувственно сдвинула брови. – На тебя столько навалилось... Тебе просто необходимо развеяться, сменить обстановку!

– Да, – кивнула Ирина, – у меня скоро отпуск. Кстати, ты будешь меня замещать, ты в курсе?

– В курсе, главный уже приказ подписал, – Мария с готовностью кивнула, – отдыхай спокойно! Поезжай куда-нибудь, и не одна, а с Элиной!

– Да разве этот урод её отпустит?!

* * *

Мучаясь угрызениями совести, Элина звонила матери и весь вечер после их ссоры, и на следующее утро, а после работы поехала к ней домой. Она ужасно жалела, что не сдержалась и нагрубила вчера, и, когда Ирина Германовна открыла дверь, тут же повисла у неё на шее. Она без конца просила прощения, в душе ругая себя, что не подумала купить продуктов – после долгого отсутствия холодильник Ирины Германовны был полупустым.

Растрогавшись, та наплакалась вместе с дочерью и отправила её в магазин. Когда, приготовив ужин и накормив мать, Элина вернулась к себе домой, был уже поздний вечер.

– Я пришла... – заранее догадываясь, что Игорь злится за её позднее возвращение, Элина изобразила на лице веселье. – Кто дома?...

– Мам, ты где была? – Антон удивлённо выглянул из своей комнаты. – Почему так поздно?

– У бабушки, – она не менее удивлённо застыла перед сыном, – разве папа не сказал? Я же ему звонила.

– Нет, – мальчик пожал плечами, – я спросил, он ответил, что понятия не имеет.

– Сейчас разберёмся... – предчувствуя скандал, Элина толкнула дверь спальни. – Привет!

Не обращая на неё никакого внимания, супруг сосредоточенно сидел за компьютером. Он даже не повернул в её сторону головы.

– При-вет! – подойдя к нему, она обхватила его одной рукой и привычно прижалась щекой к его щеке.

– Отвали, – Игорь с силой мотнул головой.

– Что случилось? – присев напротив, Элина подперла щеку ладонью. – Почему ты не сказал Антохе, где я?

– А я что, знаю, где ты? – он, наконец-то, бросил на неё взгляд исподлобья.

– Я тебе звонила, ты что, забыл? Я была у мамы!

– Мне плевать, где ты была, – он снова уткнулся в монитор.

– Ну, понятно, – она уже сама поняла, что разговора не получится.

Ситуация была знакомая до боли... Её задержки на работе и занятые выходные дни Игорь хоть с трудом, но терпел, понимая, что рабочий график от жены не зависит. Но любые её опоздания домой в свободное время воспринимались им довольно враждебно и сопровождались неизменным бойкотом: Игорь мог не разговаривать с Элиной по два-три дня, пока сам не

«отходил» сердцем. Все её попытки наладить отношения натывались на стену его молчания, и, зная эту черту его нелёгкого характера, она всегда после работы лишь ненадолго забежала в магазины, чтобы быстро купить самое необходимое и тут же мчаться домой, нигде не задерживаясь. Сегодняшняя же ситуация казалась ей вполне оправданной, и она в глубине души надеялась, что «пронесёт»... Но, к сожалению, не пронесло.

Игорь не разговаривал с ней два дня, и настроения это не добавляло. Ко всему прочему, она не знала, как сказать мужу, что Ирина Германовна хочет, чтобы она, Элина, вместе с ней появилась на юбилее у Корецких. Сам факт того, что Элина пойдёт с матерью на это мероприятие, не был чем-то противоестественным: их связывало старое семейное знакомство. Кроме того, Василий Корецкий был одноклассником Сергея Николаевича по институту, а теперь работал в горздравотделе, и, если Ирина Германовна могла отказаться от посещения юбилея как знакомая, то, как заведующая отделением районной больницы, права на отказ почти не имела. Всё это выглядело бы совершенно безобидно, если бы не ещё один факт: сын Корецких, Вадим, был давно не равнодушен к Элине... Об этом знали все в их окружении, даже супруга самого Вадима, но, самое главное, об этом знал и Игорь.

Дождавшись, когда супруг окончательно успокоится, она не без внутреннего содрогания завела с ним волнующий её разговор.

– Тебе-то зачем туда идти? – Игорь недовольно нахмурился. – Насколько я понимаю, там будет чисто медицинская тусовка...

– Мы пойдём туда вместе с тобой, – несмотря на протест матери, Элина предупредила её, что без Игоря не пойдёт на этот юбилей, и Ирине Германовне пришлось согласиться скрепя сердце.

– Я по таким мероприятиям не хожу, ты знаешь, – муж угрюмо курил на балконе, и Элине пришлось выйти к нему.

– Ну, давай сходим... – она обняла его за пояс. – Ну, пожалуйста...

– С какого боку мы туда придём? – он усмехнулся. – Это твои родители им чуть ли не родня, а я при каких делах?

– Мама боится идти туда одна. Отец придёт обязательно, маме сказали, что Корецкие – единственные из друзей, кто всё-таки пришли на его юбилей. Он обязательно там будет, и не один... Представь, как тяжело будет маме?

– Пусть не ходит, – Игорь пожал плечами, – если тяжело, то и нечего там делать.

– Она хочет пойти... Понимаешь, ей нужно показать, что она в порядке. Но она боится... Понимаешь?

– Не понимаю, – обняв за плечи, супруг внимательно посмотрел ей в глаза, – ты же знаешь, что у меня не настолько утончённая натура... Я такие нюансы не воспринимаю. По мне – боится, значит, пусть не ходит. Хочет идти – пусть идёт... Мы-то с тобой при чём?

– Игорь...

– Элька... – он не дал ей договорить. – Я туда не-пой-ду! Усекла?

– Усекла... – она грустно опустила глаза. – И что теперь делать? Она же – моя мама...

– Ну, иди с ней без меня... – нервно развернувшись, Игорь быстро прошёл в квартиру и с размаху уселся на диван. – Иди...

– Игорь... – она тоже прошла и села рядом. – Ну, я уже пообещала маме...

– Пообещала, значит – иди.

Зная, что кроется за этим выпрошенным согласием, Элина не испытала облегчения. Даже пойдя на такую очевидную уступку, в душе Игорь затаил обиду, и Элина могла предполагать, что по возвращении из гостей её не ждёт ничего хорошего.

Однако, несмотря на это, в назначенный день она приехала вместе с Ириной Германовной в ресторан, в котором должен был состояться банкет по случаю юбилея Василия Корецкого.

* * *

Огромный зал ресторана был полностью арендован юбиляром, и количество гостей полностью оправдывало заставленную накрытыми столами площадь. Оглядываясь по сторонам, Элина навскидку прикинула масштаб мероприятия: по всему выходило, что число приглашённых приближалось к ста.

Она сразу заметила отца – он сидел в другом конце зала рядом с Ольгой. Покосившись на мать, Элина с тревогой отметила внезапную бледность Ирины Германовны, и поэтому, наскоро поздравив юбиляра, поторопилась усадить ту за предназначенное им место.

– Элина Сергеевна... – Вадим Корецкий, тридцатитрёхлетний брюнет с ярко-голубыми глазами, улыбаясь, смотрел на неё в упор с другой стороны их стола. – Вы, как всегда, просто неотразимы!

– Привет, Вадик, – она не поддержала его напыщенного тона и поздоровалась по-приятельски. – Как дела?

– Всё шикарно! – взяв в руку полную рюмку, он кивнул Элине и опрокинул в себя алкоголь. – За тебя!

– Ты не рано начинаешь? – рассмеялась Элина. – Ещё ни одного тоста не сказали.

– Я что, не сын юбиляра? – подцепив дольку лимона, Вадим отправил её в рот. – Мне можно всё!

– Ты один? А где Лиза? – имея в виду его супругу, спросила Элина.

– Сейчас подойдёт, – он неопределённо махнул рукой куда-то в сторону, – брата своего с родственниками знакомит.

– Брата?...

– Угу, – мужчина, не морщась, жевал лимон, – брат её сюда переехал, отец ему должность устроил...

– Какую? – она спросила это скорее из вежливости, чем из любопытства.

– Заведующего кардиологией.

– Поликлиники?!

– Стационара. Скажи, круто?

– Прямо вот так сразу – из новеньких в заведующие? – зная способности Вадима приврать на ходу, Элина недоверчиво усмехнулась.

– Связи – великое дело! – Вадим откинулся на спинку стула. – А ты почему одна? Где твой драгоценный супруг?

– Я не одна, – Элина пожала плечами, – я с мамой. А Игорь дома.

Упомянув мать, она обернулась в её сторону – Ирина Германовна негромко беседовала со своей соседкой справа, которая оказалась её давней знакомой. Элина вздохнула с нескрываемым облегчением – ей не придётся весь вечер держать маму за руку...

– А, вот, кстати, познакомься... – внезапно голос Вадима утонул в визге микрофона, который настраивали музыканты, и Элина смогла услышать только окончание фразы: – Брат моей жены Елизаветы...

... В первый момент ей показалось, что это Игорь явился на торжество: тот же овал лица... те же глаза, губы, нос... Даже волосы такого же русого цвета!.. Мужчина, усевшийся рядом с младшим Корецким, был удивительно похож на её собственного мужа... похож настолько, что Элина почувствовала, как её накрывает горячая волна... Только приглядевшись внимательнее, она заметила, что гость немного старше – на вид ему было около тридцати пяти – тридцати шести лет, и, судя по всему, он был чуть ниже ростом.

Кивнув новому знакомому, Элина подумала, что так и не расслышала его имени, но переспрашивать не стала – собственно, какое ей до него дело? Она вообще чувствовала себя не очень уютно здесь, напротив Вадима, постоянно ловя на себе неприязненный взгляд его жены Лизы. Сам Вадим был отчаянным ловеласом, и, зная о его пристрастиях, Лиза в каждой женщине видела его потенциальную партнёршу по постельным делам. К тому же, она знала о симпатии Вадима к Элине, и это только обостряло её ревность.

Прочитав все «дежурные» поздравления, тамада, наконец-то, произнёс первый тост, и все дружно заработали вилками и ножами. Элина с чистой совестью уткнулась глазами в свою тарелку.

– Кстати, Эля у нас – работник культуры, – совершенно не обращая внимания на жену, Вадим решил рассказать её брату об Элине, – имеет отношение к гастролям, корпоративам и прочим развлечениям, так что, если будет интерес к какой-нибудь «заезженной» звезде, обращайся к ней, она устроит билеты в первый ряд!

– Первый ряд отпадает, – улыбнулся Лизин брат, и Элина отметила про себя, что даже его голос похож на голос Игоря, – перепонки лопнут. А вот на пятнадцатый я согласен!

– Вообще-то, я билетами не занимаюсь, – Элина подняла на мужчин насмешливый взгляд.

– Но, если что, поможет! – жестикулируя вилкой, Вадим договорил за неё и налил себе очередную порцию алкоголя.

Невольно бросив взгляд на обоих мужчин, Элина подумала, что Лиза совсем не похожа на своего брата – в отличие от него, женщина была светловолосой, с немного грубоватыми, похожими на мужские, чертами бледного лица. Судя по манерам, их отличия были не только внешними: брат производил впечатление спокойного, уравновешенного человека, чего нельзя было сказать о его сестре, которая, выпив лишнюю рюмку, могла устроить и публичный скандал. Элина и сама не раз была свидетельницей таких сцен, поэтому всегда старалась держаться с Вадимом на расстоянии, во избежание излишней ревности его супруги.

– А разрешите пригласить вас на танец? – музыка заиграла в очередной раз, и брат Елизаветы обратился к Элине.

– К сожалению, я не танцую, – едва улыбнувшись, она покачала головой.

– Как?... Совсем?... – мужчина, казалось, был очень удивлён её отказом.

– Совсем.

– Эля у нас никогда и ни с кем не танцует, – оторвавшись от закуски, снова подал голос Вадим, – она мужу верность бережёт.

– Серьёзно?... – брат решил поддержать шутку.

– Берегу, – снова кивнула Элина, – это правда.

Даже не глядя в упор, она не могла не заметить, что новый знакомый, имени которого она так и не узнала, то и дело бросает на неё пристальные взгляды. Не любительница повышенного

мужского внимания к своей персоне, Элина ужасно смущалась, и поэтому была даже рада, когда одна из гостей пригласила брата Лизы на белый танец.

* * *

Начало июля ознаменовалось сильной жарой, и гости то и дело спешили покинуть душный зал, чтобы вдохнуть ночного свежего воздуха на широком, освещённом шарообразными плафонами крыльце ресторана.

Почувствовав, что от духоты вот-вот потемнеет в глазах, Элина тоже решила выйти ненадолго на улицу. Прислонившись к поддерживающей козырёк колонне, она с наслаждением подставила разгорячённое лицо под слабую струю тёплого ветерка. Ей уже порядком надоел и этот банкет, и полупьяные гости, и она подумывала, как уговорить мать, которая после пары бокалов вина даже немного развеселилась, покинуть ресторан. Понимая, что и это веселье, и шикарное вечернее платье, и искусный макияж предназначались лишь для одной цели – показать бывшему мужу, что она «в порядке», Элина грустно наблюдала за Ириной Германовной, танцующей с мужчинами недалеко от стола, где сидели Сергей и Ольга.

К отцу она не подошла ни разу, хотя испытывала желание хотя бы поздороваться с ним. Она несколько раз порывалась встать и сделать шаг, но мысли о том, как воспримет мать её поступок, каждый раз останавливали порыв. Выйдя на крыльцо, она втайне надеялась, что отец тоже захочет освежиться, и тогда они смогут хоть немного поговорить...

– Добрый вечер, – знакомый женский голос отвлёк её от этих мыслей. Повернув голову, Элина с неприятным для себя чувством узнала Ольгу.

– Добрый... – довольно сухо ответила она, совершенно не желая продолжать разговор.

– Элина, мне кажется, нам нужно поговорить... – Ольга говорила негромко, как будто опасаясь, что их кто-то услышит.

– О чём? – усмехнувшись, Элина бросила на женщину быстрый взгляд.

– Я понимаю, что ты сейчас чувствуешь ко мне... – начала было Ольга, но Элина её перебила:

– Я к тебе не чувствую абсолютно ничего.

– Эля... Я, действительно, люблю твоего отца...

– Моя мама его тоже любит.

– И он любит меня, – сделав вид, что не расслышала последнюю фразу, произнесла Ольга. Мы с тобой обе – взрослые девочки, и ты должна понимать...

– Послушай, Оля... – Элина повернулась всем корпусом к своей собеседнице. – Вот скажи мне, как взрослой, неужели, действительно, можно полюбить человека, старше себя чуть ли не вдвое?!

– Вдвое – это слишком... Серёжа старше меня на девятнадцать лет.

– Какая разница?... Тебе – тридцать шесть... у тебя всегда было полно мужчин... И из них ты выбрала моего отца?!

– А чем твой отец хуже остальных мужчин?

– Не передёргивай!.. Ты поняла, что я имею в виду... Зачем он тебе?!

– Я же сказала... Я его люблю. И поэтому хочу, чтобы ты с ним помирилась... Эля, он страдает.

– Он сам это выбрал... – несмотря на свои слова, Элина говорила не совсем уверенно. Что-то в тоне Ольги заставляло верить ей... верить безоговорочно.

– Ты любишь Игоря? – неожиданный вопрос застал Элину врасплох.

– При чём тут это? – она не сразу нашлась, что ответить.

– Я знаю, что ты его очень любишь. А теперь представь, что ты – это я, а Игорь – это твой отец.

– Оля... – двери в очередной раз открылись, и, покосившись на шумную компанию, буквально вывалившуюся покурить, Элина совсем понизила голос. – Ты что... хочешь, чтобы я сейчас бросилась к тебе на шею?... Ты хоть представляешь, как нам сейчас тяжело?! Даже мне, хоть я не ребёнок, и у меня своя семья и свои заботы... Но родители – они как что-то целое и неделимое...

– Я понимаю тебя... – Ольга слегка прикоснулась к руке Элины. – Эля...

– Что ты понимаешь? Как страдает моя мама?... Как тяжело мне, даже Антону...

– Ну, прости меня... Элочка... – Ольга сильнее сжала её ладонь, – Прости, и... не бросай Серёжу... Я хочу, чтобы он был до конца счастливым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.